

ЯЗЫК ПРОЗЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: ЭПИТЕТ И ПАРАДОКС

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Статья посвящена обзору некоторых особенностей прозы Марины Цветаевой на материале признаков слов. В работе отмечается, что в дневниках, воспоминаниях и эссе поэта содержится много примеров метаязыковых включений. В отличие от поэтического творчества, где автор ограничен ритмом и объемом текста, в прозе М. Цветаева свободно поясняет смысл выражений и окказиональных слов. Признаковая лексика в силу своей универсальности и гибкости семантики зачастую становится главным объектом авторского внимания. Язык словно препарируется поэтом, чтобы передать суть высказывания. Постоянная рефлексия над написанным делает прозу М. Цветаевой источником изучения ее авторской картины мира и логики поэтического мышления. Автор статьи делает вывод о том, что метаязыковая рефлексия в прозе М. Цветаевой, имеющая языковое выражение в признаковой лексике, составляет неотъемлемую часть ее идиостиля и может рассматриваться как продолжение ее лингвистического эксперимента, имевшего место в лирике и поэмах. Изучение языка прозы поэта рассматривается в контексте всего творческого наследия автора.

***Ключевые слова:** проза поэта, окказиональное слово, идиостиль, эпитет, Марина Цветаева.*

Исследование творческого наследия М. Цветаевой является одним из самых активных направлений лингвопоэтики и стилистики художественного текста. Интерес к творчеству великого поэта не иссякает и по сей день [Губанов 2016, 2018; Зубова 1980; Курьянович 2007; Ляпон 2001; Ревзина 1998]. Несмотря на достаточную изученность многих черт идиостиля М. Цветаевой (особенно это относится к поэтическим текстам), остается достаточно много вопросов, касающихся связи языка поэта и ее индивидуально-авторской картины мира. На помощь в решении данного непростого вопроса приходит исследование прозаического наследия поэта: эссе, дневников, воспоминаний, записных книжек [Ляпон 2010].

Наблюдения за идиолектом М. Цветаевой в прозаических текстах неотделимы от общего контекста ее идиостиля и не могут быть рассмотрены

вне поэтических или драматургических текстов. В прозе поэта, так же как и в поэзии, отмечается стремление к словотворчеству, страсть к языковому экспериментаторству, предельность в выражении своих оценок и эмоций и т.д. Многие исследователи отмечают повышенное по сравнению с поэзией стремление объяснить смысл сказанного, пояснить логику поиска нужного слова: об этом, в частности, говорит М.В. Ляпон, именуя ее творчество парадоксальным, что отражает черты ее личности, поиск своей идентичности [Ляпон 2010].

В данной работе не столь категорично расценивается текстовое воплощение личности автора, но лишь обращается внимание на некоторые яркие черты прозы поэта. Отметим, что проза М. Цветаевой рассматривается нами не как вторичное или маргинальное в наследии автора; придерживаемся убеждения в том, что это такой же незаменимый источник для изучения ее идиолекта, а сами тексты представляют собой художественное произведение.

В центр внимания настоящей статьи помещены те фрагменты прозаических текстов М. Цветаевой, в которых отражается метаязыковая рефлексия относительно сказанного (написанного), поскольку такая тяга к осмыслению себя составляет специфичную черту идиостиля ее прозы. Кроме того, нами выбираются не все контексты, а только те, в которых присутствует осмысление подбора признаковой (характеризующей) лексики, в силу того, что она способна наиболее полно передать сущностные черты денотата, попадающего в поле авторского внимания, а потому является наиболее показательной. Столкновение объективных и субъективных качеств денотата в рамках одной лексемы приводит к парадоксальному, окказиональному осмыслению поэтом того или иного объекта.

Как отмечает М.В. Ляпон, манипуляции, связанные с препарированием языка, обусловлены у М. Цветаевой принципом «суть перекрикивает язык». Она словно разгадывает вечную загадку относительно сути природы денотата [Ляпон 2010]. Углубленная интроверсия и авторефлексия, склонность к парадоксу составляют неотъемлемые черты прозы М. Цветаевой, как и всего ее творчества в целом.

Семантические и синтаксические особенности признаковой (в нашей терминологии, эпитетной) лексики обуславливают их значимую роль в тексте. По объективному критерию, атрибутивная лексика как никакая другая передает основные характеристики объекта, подробно описывая его черты, соотнося с действительностью. С другой стороны, она способна описать денотат с субъективной точки зрения: автор неизменно смотрит на объект через призму собственного восприятия, привнося в семантику признакового слова оценку, эмоции, экспрессию.

Семантическая гибкость и мобильность атрибутивных слов, их «смысловая податливость и толерантность» [Рахилина 2010] позволяют использовать их в качестве средств характеристики и предикативности, а также базы для развития метафорических (*скромное небо*) и метонимических значений (*печальные губы*). Синтаксическая валентность атрибутивов и ее нарушение приводят к явлению синтаксического смещения определения (*молчаливый голос – голос молчаливого человека*, но не только: добавляются образные и оценочные оттенки значения). Данная лексика вполне подробно изучена эпитетологами, с одной стороны [Фадеева 2011], когнитологами, с другой [Рахилина 2010]. Тем не менее, остается немало вопросов относительно механизмов возникновения переносных значений атрибутивных слов, смены их разрядности и т.д.

Все вышеперечисленные особенности словоупотребления атрибутивных (признаковых, или эпитетных) слов находим в текстах М. Цветаевой: широко представлены метафорические эпитеты, относящиеся к сфере артефактов и природы, метонимические переносные эпитеты концептосферы человека, но рефлексирование по поводу данных переносов, осмысление своего языка явно представлено именно в прозе поэта. Этому есть свое объяснение, ведь в прозаическом тексте, особенно автобиографического характера, где автор размышляет и словно беседует сам с собой, отчетливее воплощается процесс самоидентификации, рефлексии своего творчества. В некоторых работах отмечаются названные выше черты идиостиля поэта, системного же их описания пока нет [Губанов 2016; Никульцева 2007].

Предметом анализа настоящей статьи выступают языковые единицы признаковой семантики, которые имеют авторский комментарий (содержат элементы языковой рефлексии автора), зафиксированные в прозаических текстах автора. Целью является анализ данных языковых единиц в аспекте их роли в моделировании авторской картины мира.

Гипотезой исследования выступает следующее утверждение: признаковая лексика составляет ядерную часть идиолексикона М. Цветаевой, в которой заключен основной авторский парадоксальный смысл, что выражается в языковой рефлексии.

Материалом для анализа в данной статье послужили прозаические тексты Марины Цветаевой различного типа: автобиографическая проза, статьи, эссе, воспоминания, дневниковая проза, письма, сводные тетради (неизданные заметки, записные книжки). Всего выявлено 110 контекстов, содержащих примеры метаязыкового комментария семантики признаковых слов.

Примеры употребления контекстов, содержащих признаковые слова, приводятся из текстов собрания сочинений Марины Цветаевой в 7 томах с указанием номера тома и номера страницы [Цветаева 1994], а также из сводных тетрадей, вошедших в том «Неизданное» 1997 года выпуска [Цветаева 1997] и записных книжек, изданных в 2000 и 2001 годах [Цветаева 2000, 2001].

Рассмотрим некоторые особенности техники авторского комментария семантики признаковых слов в прозаических текстах М. Цветаевой.

Для начала отметим тяготение всех текстов рассматриваемого поэта к окказиональному словотворчеству. Всегда контекстуально обусловленные, эпитетные слова сконструированы по устойчивым словообразовательным моделям, но за счет синтаксического смещения или метонимического сдвига приобретают дополнительные смыслы:

Подблоковские татары [Цветаева 1994: 6: 424]; *Наша семья – котлетная* [Цветаева 1994: 7: 745].

По причине особой продуктивности и частотности употребления метонимических эпитетов многие исследователи отмечают необходимость их пристального изучения [Губанов 2016, Япон 2010]. В последнем примере можем видеть метонимический сдвиг в значении прилагательного *котлетный*, приобретшего значение *домашний, свой*.

Перейдем к описанию типов включения осмысления семантики эпитетов. Они довольно разнообразны, но их объединяет одно общее свойство: детальность комментария, экспрессивность, включение в любую часть высказывания, в тот участок, который считается важным.

Способы выражения метаязыковой рефлексии над признаковым словом М. Цветаева выбирает разнообразные.

1. Наиболее часто встречается комментарий значения признакового слова в виде уточнения в скобках:

И когда Христос идет по водам – мы сразу узнаем – и успокаиваемся. Как сразу, как во сне узнаем упругость (держательную способность) воздуха [Цветаева 1994: 7: 567].

Своеобразие авторского комментария, приведенного выше, состоит в том, что он способствует раскрытию (не намеку) индивидуального прочтения семантики слова: комментарий превращается в самостоятельное высказывание, становясь центром предложения. Фактически, перед нами авторская трактовка семантики, синонимичная, но индивидуально понятая: *упругий*, т.е. *способный удерживать что-то*. В результате рождается окказиональный эпитет с необычной синтаксической сочетаемостью.

Ироничная эмоциональная реакция на семантику слова, пусть даже служебного, оформляется в виде скобок и восклицательного знака;

причем нужно заметить, что слово *кроме*, становясь предметом метаязыковой рефлексии, приобретает признаковую семантику именно за счет этой рефлексии:

Кроме того (хорошее – кроме!) эту несчастную последнюю уцелевшую комнату у меня оспаривают два учреждения [Цветаева 1994: 7: 672].

Бросается в глаза графический прием, используемый М. Цветаевой в ее записных книжках и воспоминаниях: необходимый эпитет заключается в скобки, сразу после интересующего слова, и пишется заглавными буквами, как в следующем примере:

*Так делали Гонкуры, дневник которых я люблю, как **свой, вернее, чувствую** – своим (т.е. **ЖИВЫМ**), а романы которых, сплошь построенные на видоизмененной правде, забываю тут же после прочтения ... [Цветаева 1994: 7: 247].*

Оговорка *вернее, чувствую* очень важна, так как акцентирует внимание на индивидуальном восприятии признака: свой дневник, живой, где есть настоящие чувства и события. В контексте ее прозы это особенно актуально, поскольку перед нами «оправдание» художественной значимости прозаического мемуарного творчества поэта.

Менее оценочными, но в первую очередь уточняющими, выглядят комментарии относительно добавочной информации, заключенной в скобках. Без этой фразы смысл всего высказывания остался бы не совсем понятным:

*... старалась не глядеть на все, что на меня глядело (**желтыми фотографическими глазами**) с четырех стен его чиновно-артистического прошлого [Цветаева 1994: 7: 615].*

2. Паронимическая аттракция. Паронимическая аттракция является ведущим приемом актуализации смысла в идиолекте М. Цветаевой. Как неоднократно отмечалось, сближение разных по смыслу, но внешне схожих лексических единиц дает возможность автору передать свой, новый оттенок значения или привнести его в квазипаронимы. Многие слова совмещают в себе черты нескольких частей речи – это явление получило в цветаеведении именование «морфологический синкретизм» [Зубова 1980]. Что касается признаковой лексики, можно выделить два направления работы поэта с ней: с одной стороны, происходит расширение ее состава (к ней относятся слова практически всех частей речи, контекстуально приобретшие признаковую семантику, в том числе служебные), с другой стороны, актуализируются периферийные значения за счет создания окказиональных и потенциальных слов.

Игра с паронимами приводит к явлению столкновения порой противоположных признаковых слов, как в следующем контексте: *То, что Вы поэт – промах. (Божий – и божественный!)* [Цветаева 1994: 6: 234].

Первый эпитет имеет значение более «относительного типа» (тот, кто относится к Богу), второй же – явно оценочный.

На основе паронимов-наречий *скромно-скверно* построена следующая фраза:

... *Не мести, не чистить – вот мое царство небесное. Слишком скромно? Да. Ибо слишком скверно мое царство земное* [Цветаева 1994: 7: 72].

Эксперименты с формой слова имеют место в контексте паронимической аттракции: эпитеты *мягкий* и *немнущийся* сближаются на основе первых созвучных слогов:

(о платье) *лиф в талию, с огромными пузырями-рукавами, застежка на спине, совсем не мягкое и не мявкое* [Цветаева 1994: 7: 747].

3. Конструирование экспрессивных интенсификаторов.

Выражение интенсивности и экспрессивности проявления признака проявляется в изобретении особых форм степеней сравнения прилагательных, семантика которых ближе к словам с элятивным значением (абсолютной превосходной степени, предельной степени проявления признака).

Разъяснение данного смысла происходит разнообразно:

– с помощью союза *когда*:

Я слишком умна, чтобы ненавидеть буржуазию – она ПРАВА, потому что я в ней – ЧУЖОЙ, когда чужее самого архикоммуниста. [Цветаева 1994: 7: 235];

– описательно данное значение интенсивности признака выражается в повторе слов с участием частицы *очень*:

... *в конце концов – очень далеком конце очень далеких концов – получилась бы лирическая статья ... никому здесь не нужная* [Цветаева 1994: 7: 380];

– присоединение необычной приставки к прилагательному приводит к образованию нового, экспрессивного эпитета:

От Ольги Николаевны узнала о наконецном возвращении Вашего мужа [Цветаева 1994: 7: 505] (самом последнем, окончательном).

– конструирование сложных форм превосходной степени. Противоречивость чувств и мыслей героини проявляется в антиномичности языка:

Помните, что каждый вопрос мне важнее всех остальных, и ответьте, по возможности, на все [Цветаева 1994: 7: 241].

Противопоставление местоимений *каждый* и *остальной (другой)* снимается, единичность переходит в разряд всеобщности.

4. Авторская интерпретация семантики слова (окказиональное обновление значения).

Необычная лексическая сочетаемость признаков слов приводит к образованию окказионального эпитетного сочетания (не отменяя прямого значения: «относящийся к женщине»):

... у меня здесь нет ни одного женского друга [Цветаева 1994: 7: 697].

Относительно-притяжательное прилагательное *женский* переходит в разряд качественного: *женский* означает *настоящий, близкий*.

Парадоксальность системы неузуальных эпитетов в прозаических текстах М. Цветаевой проявляется в противоречивых признаках, объединенных одним денотатом:

А моя любовь к сапожникам Гранским? – Вечность. – То, на чем мир стоит! – Следовательно, только когда я очарована, я разумна [Цветаева 2001: 203].

Очарование подразумевает чувственное восприятие, «отключение» разума, в цветаевском же контексте все наоборот: лирическая героиня обладает особым разумом, под которым понимается разум сердца.

Сходная логика наблюдается в размышлении поэта над парадоксальной природой своей души: с одной стороны, она открытая, настежь распахнутая всем, но затем происходит алогичное продолжение ее характеристики: она трудно читаемая:

... Мне нужно одно: доверие и некое чудо проникновения в мою настежь распахнутую и посему трудно-читаемую душу [Цветаева 1997: 184].

Открытость не подразумевает легкость восприятия, а наоборот, кажущуюся доступность и понятность.

Привычный для М. Цветаевой неузуальный прием, дистантное положение служебного слова и относящейся к нему словоформы, призван детально охарактеризовать ситуацию, выразить экспрессивность признака: так, служебное слово становится в том числе эпитетом:

Мать была в нем, он умирал с нею внутри, как с, внутри, собственным сердцем [Цветаева 1994: 5: 127].

Замечательным примером, иллюстрирующим процесс авторской работы над поиском нужных слов, может служить следующий фрагмент:

Глаза карие, цвета конского каштана, с чем-то золотым на дне, темно-карие с – на дне – янтарем; не балтийским: восточным: красным. Почти черным, с – на дне – красным золотом, которое временами всплывало; янтарь – растапливался: глаза с – на дне – топленным, потопленным янтарем [Цветаева 1994: 6: 424].

Цветовой признак, попавший в центр внимания поэта, получает бесконечное число уточнений. Оформляется это посредством двоеточия, тире; причем тире разрывает предлог и словоформу (*с – на дне*) трижды,

акцентируя внимание именно на локализации признака. Все предложение можно считать развернутым эпитетом с нагнетанием уточняющих признаков.

Подведем некоторые итоги. Как можно было убедиться из описанного выше языкового материала, проза М. Цветаевой представляет собой большой исследовательский интерес с позиции изучения особенностей идиолекта М. Цветаевой. Для языка ее прозы характерно, как и для всего творчества, особенно поэтического, повышено экспрессивная манера письма, желание выразить оценку различными способами. Несмотря на личный и не совсем в полной мере художественный формат ее прозы, предназначенной для личной переписки (записные книжки, воспоминания, заметки), можно говорить о некоторых тенденциях выражения ее самоидентификации. Так, одной из ярких черт поэтики прозы М. Цветаевой является частотное рефлексирование автора по поводу написанного, потребность в комментировании своего языкового выбора. В поле внимания метавысказывания попадает признаковая лексика как наиболее функционально и денотативно наполненная: эпитетные слова осмысляются автором в первую очередь с целью их саморазъяснения. Подобные выражения заключаются в скобки, иногда в сочетании с восклицательным знаком в скобках, тире, выделяются заглавными буквами или курсивом. Привлекаются квазипаронимы, применяется авторское прочтение узуальной семантики слова, подробно комментируется каждая составляющая конкретной ситуации, в которой задействовано признаковое слово. Из сказанного можно сделать вывод о такой яркой черте идиолекта М. Цветаевой, как метаязыковая рефлексия, поиск нужного смысла на основе постоянного осмысления сказанного, главным образом, средствами слов признаковой семантики. Противоречивость и экспрессивность личности поэта находит свое выражение в их языковом оформлении, стремлении к окказиональному словесному эксперименту, столкновению неожиданных смыслов.

Таким образом, признаковая лексика неизменно детально осмысляется М. Цветаевой и определяет авторские предпочтения актуализации смысла, включая направления окказионализации: обновление семантики признакового слова, изменение его разрядности (окачествование), смещение синтаксической сочетаемости (метонимические эпитеты), выбор окказиональной формы степени сравнения и т.д. Все перечисленные приемы актуализации эпитетных слов зачастую отражают парадоксальность мышления и письма М. Цветаевой, объединяя в рамках одной лексемы далекие признаки денотата, с точки зрения языковой логики, и близкие с позиции автора. Прозаические тексты поэта демонстрируют большую возможность для реализации авторских установок на словотворчество.

Библиографический список

Губанов С.А. Лингвокогнитивные механизмы образования эпитетов [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. №4 (31). С. 46–57. Режим доступа: URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1637 (дата обращения: 31.03.2021).

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: Монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. 264 с.

Курьянович А.В. Анализ прагматики окказиональных лексических единиц в эпистолярных текстах М.И. Цветаевой в аспекте читательского восприятия // Вестник ТГПУ. 2007. №2. С. 103–108.

Ляпон М.В. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 90–106.

Ляпон М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

Никульцева В.В. Поэтическое словотворчество Марины Цветаевой (эмоционально маркированная окказиональная лексика) // Добро и зло в мире Марины Цветаевой: Сборник докладов / Отв. ред. И.Ю. Белякова. М.: ДМЦ, 2007. С. 275–284.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Изд. 2-е., испр. и доп. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 448 с.

Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4-х тт. Т. 2: Д–Л / Сост. Белякова И.Ю., Оловяникова И.П., Ревзина О.Г. М.: ДМЦ, 1998. 552 с.

Фадеева Т.М. Структурные особенности окказиональных сложных эпитетов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. Часть 2. Том 1. Н.Новгород, 2011. С. 680–683.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.

Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис-Лак, 1997. 639 с.

Цветаева М.И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. I:1913-1919 / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Эллис-Лак, 2000. 560 с.

Цветаева М.И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. II:1919-1939 / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Эллис-Лак, 2000. 544 с.